

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ ИСТОРИИ РОССИИ

УДК 930

ВЕДОМОСТИ МОНАШЕСТВУЮЩИХ 1724 ГОДА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК: ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СТЕПЕНЬ ДОСТОВЕРНОСТИ

Е. В. Кустова

Вятский государственный гуманитарный университет, 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26
kustovael@yandex.ru

Анализируются составленные в 1724 г. ведомости монашествующих монастырей Вятской и Великопермской епархии, которые стали одним из первых массовых источников по истории русского монашества. При использовании статистических методов они позволяют рассмотреть широкий круг вопросов внутренней жизни монастырей, выделить как общероссийские процессы, происходившие в приуральских монастырях в первой четверти XVIII в., так и особенности пермских и вятских обителей. В то же время признается, что сведения ведомостей, которые не всегда достоверны, должны проверяться и уточняться через сравнение с актовыми источниками, документами монастырского и писцового делопроизводства.

Ключевые слова: монашество, Вятская и Великопермская епархия, монастырское делопроизводство, Петровские реформы, ведомости 1724 г., социальная структура, достоверность, методы статистики.

Среди монастырского делопроизводства XVIII в. особое место занимают ведомости монашествующих 1724 г. Их появление связано с монастырской реформой Петра I. В «Прибавлении к Духовному регламенту» 1722 г. был ограничен круг лиц, которые могли поступить в монастырь. В первую очередь этой возможности были лишены те, кто еще не отдал свой «долг служения» государству. Запрещалось постригать в монашество служащих военных и чиновников; мужчин моложе 30 лет, женщин ранее 50–60 лет; состоящих в браке и имеющих несовершеннолетних детей; детей без разрешения родителей; должников. Крепостные крестьяне могли постригаться лишь с разрешения помещика; неграмотным дозволялось поступать в монастырь только с ведома царя или Синода. Нарушивших этот запрет следовало насильно расстригать и отправлять в солдаты (ПСЗ-I. Т. 6. № 4022). В 1723 г. вышел указ о полном запрете постригать в монашество, за исключением отставных солдат и инвалидов (ПСЗ-I. Т. 7. № 4151).

Чтобы проконтролировать процесс исполнения указов, в монастырях были составлены ведомости братии. По своей полноте это один из наиболее интересных и информативных источников по истории русского монашества XVIII в. В ведомостях указывались монашеское и мирское имя и фамилия (у женщин – отца и супруга), место рождения, количество лет, сословие, место и время пострижения, послушание и рукоделие, время пребывания в разных монастырях (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 37).

Массовый и типовой характер этих источников позволяет использовать при работе с ними методы статистики и делать выводы не только по отдельным монастырям, но и по целым регионам, проводить компаративистские исследования темы. Парадоксально, что при этом указанные ведомости являются одним из наименее изученных источников по истории Русской православной церкви. В качестве редкого исключения можно привести работы М. Ю. Нечаевой [Нечаева, 1995, 2012].

Целью статьи является анализ информационного потенциала ведомостей монашествующих Вятской и Великопермской епархии 1724 г. для проведения исследований по истории РПЦ и социальной истории России, определение степени достоверности представленных сведений, а также рассмотрение вариантов проверки и корректировки этих данных через использование других источников.

В Вятской и Великопермской епархии ведомости монашествующих составлялись в 1724 г. Их оригиналы хранятся в Государственном архиве Кировской области (ГАКО), в фонде Вятской духовной консистории (Ф. 237). Это два архивных дела, в которые вошли указы о проведении пе-

реписи в монастырях, анкеты отдельных лиц и сводные таблицы монашествующих по отдельным монастырям (пофамильные, с краткой информацией из анкет, а не количественные), заверенные печатью того или иного монастыря. Они содержат сведения о 791 монашествующем, в том числе о 393 из 15 вятских монастырей и 398 из 14 монастырей и 3 женских общин Перми Великой (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5, 6).

Какие аспекты церковной и социальной истории представлены в указанных источниках?

Во-первых, ведомости 1724 г. дают наиболее полные сведения об объединении «малобратственных» монастырей в Приуралье. Это особенно важно в связи с тем, что в Государственном архиве Кировской области практически не сохранилось церковных дел Петровской эпохи, поскольку архив Вятского духовного приказа почти целиком сгорел в пожаре 1752 г. Объединение монастырей было одним из важных шагов Петровской реформы. В «Прибавлении к Духовному регламенту» указывалось, что «монастыри, идеже мало братии, надлежит сводити во едину обитель, идеже прилично толико, елико пропитатися могут; обаче по самой нужде, да не менее тридесяти братий будет, ради лучшего благоговения» (ПСЗ-I. Т. 6. № 4022), что было в феврале 1724 г. подтверждено новым указом («малобратственные монастыри и пустыни... вовсе упразднить»). В результате в 1724 г. были ликвидированы или стали приписными Верховятский, Раифский, Куринский, Холуницкий, Закобрский, Истобенский мужские монастыри, Кайская (а незадолго до этого и Сретенская), Чусовская, Оханская и Верхъязвенская пустыни. Это коснулось Котельнического и Кунгурского женских монастырей, а также женских общин в Шерьинской, Оханной, Верхъязвенской пустынях (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5, 6). Однако необходимо эту информацию сопоставлять с ведомостями 1735 г., поскольку объединение ряда монастырей произошло только на бумаге (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41, 45, 49, 51).

Второй вопрос, который позволяют раскрыть ведомости, – количественное соотношение мужского и женского монашества. Так, в вятских монастырях монахини составляли 23,2% от общего числа монашествующих (91 из 393), в Перми Великой – 33,7% (134 из 398). Невысокий процент женского монашества по отношению к мужскому был обусловлен тем, что женские монастыри экономически были более слабы, поскольку фактически не имели земельных вотчин. В то же время доля женского монашества в пермских землях была выше, поскольку помимо монастырей существовали и монастырские общины при мужских монастырях, не получившие развития в вятских землях.

Ведомости также дают представление о сословном составе монашествующих Приуралья. В целом в епархии в среде монашествующих было 11,9% представителей духовенства и церковного причта, 23,3% из посадских, 62,7% крестьян и бобылей, а также монастырских и архиерейских служителей, 1,2% служилого сословия (которое преобладало среди братии зауральских и сибирских монастырей) и 0,9% освобожденных «господских людей». Если по количеству крестьян вятские и пермские монастыри почти не различались, то на Вятке гораздо больше было представителей духовенства (16,5% против 7,3%), а в Перми Великой – посадских (26,6% против 19,8%), чем в соседнем регионе.

Кроме того, ведомости 1724 г. позволяют выяснить средний возраст монашествующих и возраст их пострига.

Сводные данные по всем монастырям Приуралья дают возможность составить следующую картину. В возрасте до 30 лет было только 4 монаха (0,5%), от 30 до 59 – 251 (31,7%), 60 лет и старше – 56 (67,8%). Что касается возраста пострига, то до 30 лет приняли монашество 7,5%, от 30 до 49 лет – 28,2, от 50 до 59 – 20,2, в 60 лет и старше – 44,1. Это говорит о том, что сохранялась традиция принимать постриг в преклонных годах, хотя наблюдается дальнейшее «старение» в годы петровского правления, повышение среднего возраста монашествующих.

Однако при работе с количественными данными возникает вопрос: насколько представленные сведения соответствуют реальности? Судя по приписке, которая делалась в заключении анкет, приведенные данные должны быть достаточно достоверны. В частности, указывалось, что если «написали что ложно или утаили», то им грозит штраф или другое наказание, которого «будем достойны» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 49; Д. 6. Л. 60). Тем не менее сведения требуют проверки.

Несколько лет назад при составлении биографического списка братии Хлыновского Успенского Трифонова монастыря автором были подробно проанализированы биографии всех 99 монахов, указанных в ведомости 1724 г., и сопоставлены с материалами других известных источников.

В частности, выяснилось, что многие монахи, которые согласно ведомости 1724 г. были пострижены еще в XVII в. в Трифоновом монастыре и не переходили в другие монастыри, не упоминаются в списке монашествующих обители 1702 г. Это монах Иона (Ковезин) (пострижен ок. 1684 г.), иеродиакон Симон (Бетехтин) (ок. 1686 г.), иеромонах Феогност (Овчинников) (ок. 1687 г.) и др. [Кустова, 2013, с. 68–84].

Для уточнения времени пострига можно использовать различные делопроизводственные документы. Например, монах Сергей (Стефан Савин, сын Дрожачих), посадский Слободского, по ведомости 1724 г. был пострижен 15 лет назад в Слободском Богоявленском монастыре, т.е. около 1709 г. (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 33 об.). Приходно-расходные книги этой обители позволяют выяснить более точную дату его пострижения. Так, если в ноябре 1697 г. он упоминается в монастыре бельцом, то в марте 1698 г. – старцем Сергием (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. Д. 6347. Л. 112 об., 129 об., 136, 163 об.). То есть в ведомости произошла ошибка примерно на 10 лет.

Что же касается дат рождения, то главным источником для проверки сведений служит писцовое делопроизводство. Например, казначей Трифопова монастыря иеромонах Киприян (Кирилл Александров сын Соловьев), который до пострига служил в Кырчанской вотчине монастыря, по сведениям 1724 г. родился в 1649 г. Однако по данным переписной книги 1678 г. он родился около 1658 г., что следует признать более достоверным [Кустова, 2013, с. 69].

Явная ошибка отмечена в датах у монаха Успенского Трифопова монастыря Иосифа (Парфенова). Указывалось, что ему 33 года, а постриг он принял 30 лет назад. Причем дубликат ведомости в точности воспроизвел эту же информацию. Выяснить, в чем ошиблись – в определении возраста или времени пострига, позволяют ведомости монастыря 1703 г., которые упоминают старца Иосифа (Парфенова). Следовательно, постриг он принял более 20 лет назад, а ошибка пищика кроется в указании возраста [Кустова, 2013, с. 70], хотя обычно ошибка в вычислении года рождения, судя по другим биографиям монахов, определяется в пять лет.

Еще более необычен случай монахини Марины (Федоровой, дочери Лосевой Лукиной жены Плетневой) из Слободского монастыря. Согласно ведомости ей было 26 лет, а постриг она приняла 30 лет назад. Попытка проверить информацию по ведомости 1735 г. не добавила ясности: указывалось, что ей 30 лет, а постриг она приняла 31 год назад (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41. Л. 97). По данным ведомости она родилась в Хлынове в семье Федора Лосева, однако в переписных книгах 1646, 1678, 1710 гг. по г. Хлынову ни она, ни ее родные не упоминаются.

Ведомости 1724 г. позволяют судить о степени обеспеченности монастырей служащими монахами. Без постоянных богослужений не могла нормально протекать духовная жизнь монастырей. Не случайно именно нехватка иеромонахов стала для Петра I одной из причин закрытия небольших монастырей и пустыней.

Судя по ведомостям, вполне были обеспечены иеромонахами Хлыновский Успенский (10 иеромонахов, 6 иеродиакон) и Пыскорский Преображенский монастыри (соответственно 11 и 2). В указанных монастырях было по несколько храмов. К тому же среди иеромонахов было немало тех, кто за старостью лет уже не служил, поэтому их обилие вполне объяснимо. Небольшие монастыри-пустыни традиционно имели по одному иеромонаху (Верховятский, Холуницкий, Подгородный, Закобрский, Кайгородский, Верхъязвенский, Чусовской, Шерьинский), реже – от двух до четырех. В Куринской и Тохтаревской пустынях иеромонахов и иеродиакон вообще не было. Если в первом монастыре служил игумен, то во втором, возможно, приглашенный белый священник. Иеродиакон в монастырях почти не встречаются, поскольку их функции могли исполнять иеромонахи. В целом для ежедневных богослужений в большинстве случаев число служащих монахов было недостаточно.

К сожалению, ведомости не позволяют установить количество схимников, поскольку из всех монастырей только два указали их число, хотя по другим документам они существовали в разных обителях, причем их количество было достаточно велико. Так, Хлыновский Преображенский монастырь отметил в качестве схимниц половину своих сестер (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 63–73).

Петровские ведомости помогают определить степень «замкнутости» духовного сословия в конце XVII – первой четверти XVIII в. Традиционно иеромонахами и иеродиаконами в вятских монастырях в XVIII в. становились представители белого духовенства, что хорошо видно на примере старшей братии Хлыновского Успенского монастыря (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 38–43 об.). Однако в некоторых монастырях иеромонахи, получившие священный сан еще в миру, происходи-

ли из крестьянства и посадских. Например, иеромонах Верховятского монастыря Михаил (Епиферьев, сын Крохов) родился в крестьянской семье Волковского стана Хлыновского уезда, но еще до пострига стал священником (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 35).

Встречались и те, кто получил духовный сан непосредственно в монастыре. Так, архимандрит Слободского монастыря Сергей (Русавин) был из посадских г. Костромы, монашество принял в Костромском Ипатьевском монастыре, оттуда переведен был в Чудов монастырь в иеродиакон, посвящен на Вятке в архимандриты Богоявленского монастыря (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26).

Исключительным по числу священнослужителей из посадских и крестьян является Пыскорский Преображенский монастырь. В 1724 г. в братию монастыря входили архимандрит, 11 иеромонахов и 2 иеродиакона, не считая простых монахов. Архимандрит Сергей (Матвеевых) в прошлом был посадским г. Котельнича, 3 иеромонаха – посадскими Сольвычегодска и Соликамска. Приняли священство еще в миру, будучи крестьянами и бобылями, иеромонах Досифей, Серапион, Тихон, из посадских Чердыни иеромонах Сильвестр, из церковного причта иеромонахи Евфимий, Павел, Афанасий. Два иеродиакона до поступления в монастырь были посвящены в диаконство из крестьянства (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 78 об.–81 об.). Таким образом, ни один из служащих монахов в Пыскорском монастыре (за исключением, возможно, одного, информация о котором не была представлена полностью) не родился в семье священника или диакона. Все они стали священнослужителями в миру или в монастыре.

Похожая картина наблюдалась в Соликамском монастыре, где также не было ни одного священнослужителя, происходившего из семьи белого духовенства. Так, игумен Филарет прежде числился посадским г. Котельнича, иеромонах Кирилл был из семьи причетника, иеромонах Петр являлся сыном дьячка, иеромонахи Никанор и Филарет происходили из крестьянства, но последний еще в миру стал диаконом (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 100 об.–101 об.). Из двух иеромонахов Плесинского монастыря один происходил из посадских Кайгородка, второй – из крестьян, но в миру стал священником (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 109–109 об.). Единственный иеромонах Верхъязвенской пустыни родился в семье посадского, но принял священство еще до пострига. А один из двух иеромонахов Оханной пустыни являлся до пострига крестьянином (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 117 об., 119).

Указанные факты говорят о достаточной социальной открытости духовного звания для податных сословий в Перми Великой. В вятских же монастырях иеромонахи и иеродиакон практически всегда были выходцами из семей белого духовенства.

Еще один важный аспект жизни приуральского монашества раскрывается в ведомостях – это свобода смены обители. При Петре I были ограничены переходы из монастыря в монастырь. Насколько эти правила соблюдались в пермских и вятских монастырях по ведомостям 1724 г.? Материалы этого источника говорят о том, что переходы были относительно нечастым, но и не исключительным явлением. В вятские мужские монастыри были переведены из других обителей 18,4% монахов (50 из 271), в женских – 2,2% (2 из 89) (всего 52 монаха из 360, в среднем 14,4%). В некоторых монастырях все монашествующие были пострижены в стенах родной обители (Верховятский Екатерининский, Истобенский Троицкий, Хлыновский Преображенский, Котельничский женский) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26–77 об.; Д. 6. Л. 38–60). Подобная картина наблюдалась и в пермских монастырях. В мужских монастырях переведенные монахи составляли 15,2% (35 из 229), в женских – 3,1% (4 из 129), т.е. в среднем 10,9% (39 из 358) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 78 об.–121; Д. 6. Л. 15–36). Таким образом, женщины оказывались более привязаны к местам своих постригов, чем мужчины.

Интересным представляется и вопрос о распространении влияния монастыря на соседние регионы. В ведомостях указывалось место рождения монаха. В вятских монастырях «невятскими» оказались 25 монашествующих из 393 (6,4%), в пермские же монастыри приехали из соседних регионов 120 из 398 монахов (30,2%). Наибольший процент «пришельцев» был в пермских мужских монастырях, в первую очередь в Пыскорском (48 из 100), Соликамском (23 из 48), Плесинском Варлаамовом (16 из 27), Верхъязвенском (6 из 10). Откуда шли основные потоки в пермские монастыри? Широкая география была представлена в Пыскорском монастыре: 9 человек было из вятских земель (Хлыновский, Слободской, Котельничский уезды; 18,8% от «пришлых» монахов), по одному человеку из Ростова, Старой Рязани, Н. Новгорода, Литвы, Юрьева-Польского, Московской губернии, двое приехали из костромских и двое из казанских земель. Но больше всего было выход-

цев с севера – из архангельских и вологодских земель: 12 человек из Устюжского уезда, по одному из Тотмы и Архангельска, 8 из Важского (Шенкурского), 2 из Вологодского, 5 из Сольвычегодского (60,4% «нездешних» иноков). В Соликамском монастыре по два человека были из вятских и казанских земель, по одному из Н. Новгорода и Московского уезда. Все остальные – из северных земель (по одному человеку из Архангельска, Вологды, Пустозерска, Сольвычегодского, Кеврольского уездов, по два из Важского и Тотемского, 8 из Устюжского). Больше половины насельников в Плесинском монастыре были не из Пермского края (1 из Вологодского уезда, 1 из Холмогорского, 5 из Важского, 4 из Устюжского и 5 из вятских земель) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 78 об.–112). Высокий процент монахов из других земель в Перми Великой связан, по-видимому, с большой активностью сибирского пути и широкой крестьянской колонизацией региона.

Одним из наиболее сложных вопросов для исследователей монашества является взаимодействие монашествующих и их родственников. Ведомости 1724 г. дают важную информацию о существовании феномена «семейных постригов». В частности, удалось выявить следующие примеры данного явления. Монах Успенского Трифонова монастыря Гавриил (Григорий Алексеев Катаев) (упоминается в монастыре в 1718–1724 гг.) из г. Шестакова был родным братом настоятеля той же обители архимандрита Парфения (1715–1731) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 37). В Раифской пустыни в первой четверти XVIII в. не менее 14 лет прожили вместе отец и сын Короваевы – крестьяне Великоорецкого стана Хлыновского уезда (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 47–47 об.).

Несколько таких случаев отмечены в истории Хлыновского Преображенского женского монастыря. В первой трети XVIII в. приняли постриг в нем 3 дочери посадского г. Хлынова Прокопия Пыхтеевых, ставшие вдовами. В 1710 г. старшая, Елена Верещагина (1640 г.р.), стала монахиней Евдокией. В то время жизнь ее младших сестер, вышедших замуж за отставных солдат, текла размеренно: 35-летняя Маремьяна только что родила дочку Катерину, а 25-летняя Авдотья в деревне воспитывала полугодовалую Устинию и 5-летнего Аверкия – будущего воеводского секретаря (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1098. Л. 77–77 об., 836). Однако, потеряв своих мужей, Маремьяна Медведева (старица Марфа) и Евдокия Перминовых (старица Екатерина) стали монахинями Хлыновской женской обители (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 41. Л. 57 об., 58 об., 61). По сведениям переписной книги 1735 г. это произошло в 1729 и 1730 гг. В ведомости 1724 г. они не упоминаются. Однако если сопоставить эти данные с актовыми материалами, то нужно признать, что к 1715 г. монахиня Марфа уже приняла постриг (РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 2160. Л. 40).

Подобный случай произошел с семьей Оревкиных. В 1710-х гг. приняли постриг в Преображенском монастыре будущая игуменья Феодосия (Исупова, в девичестве Оревкина) и ее мать – монахиня Марина (Оревкина), а около 1720 г. – тетка по отцу монахиня Параскева (Оревкина) (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 63–63 об., 65; Д. 41. Л. 53–53 об.). В Пыскорском Подгорном монастыре около 1709 г. была пострижена бобыльская вдова из Нового Усолья 45-летняя монахиня Марина (Федорова, дочь Васильевская жена Воронова). В монастырь она пришла со своей дочерью-девицей, которая, достигнув 22 лет, приняла постриг с именем Ульянии (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 17 об.).

В начале XVIII в. друг за другом приняли постриг 3 брата-вдовца из посадских г. Кайгорода в Кайгородском Успенском монастыре – Василий, Иларион и Александр Лукьяновы дети Королевы с именами Варлаама, Лазаря и Андреяна (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 113). Рано стал вдовцом священник Колковской волости Орловского уезда Прокопий Данилов сын Бехтерев. Приняв постриг в Кобрском монастыре, он несколько лет был настоятелем Раифской пустыни. В 1724 г., после перевода небольших пустыней в Богословский монастырь, он встретился там с отцом – монахом Куринского монастыря Давидом (Данилой Родионовым сыном Бехтеревым), который после смерти жены принял постриг в Куринском монастыре (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 51, 52 об.). В описи монастыря 1724 г. он назван крестьянином. Однако в «Переписной книге 1710 года Вятского пригорода Орлова и уезда» он являлся диаконом той же церкви, в которой служил и его сын: «Погост Колдовской а на погосте церковь во имя Николая чудотворца у той церкви... Во дворе дьякон Данило Родионов сын Бехтерев 66 лет у него жена...» (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1034. Л. 26 об.).

Зачастую мы можем лишь предполагать родство монашествующих. Но для приезжих из других областей России вероятность этого очень велика. Так, настоятелем Слободского монастыря около 1719 г. стал архимандрит Сергей (Стефан Федоров сын Русавин). Буквально через два года после этого в той же обители принял постриг, возможно, его родственник монах Савватий (Сергий

Григорьев сын Русавин), который, как и архимандрит Сергей, был посадским г. Костромы (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26, 34 об., 48 об.).

Хорошо был известен в Соликамском уезде московский род Шустовых. Они происходили из дворцовых крестьян с. Дединово (Дедново) Коломенского уезда, которое в переписной книге 1724 г. ошибочно называется с. Дедловым. В 1670-х – 1690-х гг. братья Григорий и Василий Шустовы основали в Соликамском уезде соляной промысел на р. Ленве. В 1696 г. за ними числились 32 варницы, 16 рассолоподъемных труб, 13 соляных и несколько хлебных амбаров, более 110 дворов для работных людей. Годовая производительность Ленвенского Усоля к концу XVII в. достигала 2 млн пудов соли. В 1697 г. промыслы были переданы Григорию Строганову. Вскоре они привлекли туда и своих родственников. В частности, переписная книга 1710 г. в Соликамском уезде упоминает гостей Матфея и Федора Семеновых детей Шустовых, владевших д. Чашкино (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1538 Л. 303 об., 330 об.). Среди приехавших из Дединово были Евдокия Никонова дочь Шустова с мужем Яковом Якимовым, который работал на Ленве приказчиком. После смерти мужа в 1702–1704 гг. Евдокия приняла постриг с именем Елены в стенах Подгорного Пыскорского Григорьевского монастыря и вскоре стала там настоятельницей. В 1719 г. стала монахиней той же обители Анна Макарова дочь Шустова (в постриге Анфиса), приехавшая из с. Дединово после смерти супруга (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 15; Д. 51. Л. 81, 82).

Однако родные, принимая постриг, не всегда уходили в один и тот же монастырь. Братья Михаил и Иродион Варламовы дети Загарские служили священниками в Алексеевской церкви с. Совьинского. Став вдовцами, они приняли постриг в Успенском Трифоном монастыре – первый с именем Митрофан еще в конце XVII в., второй с именем Иларион около 1706 г. Однако в монастыре они не встретились. Митрофан еще в 1696 г. стал игуменом Орловского монастыря, а Иларион около 1719 г. был переведен для служения в Слободской монастырь (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 339. Л. 145–145 об.; Д. 1034. Л. 321; ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26 об.; Вятские губернские ведомости. 1851. Ч. неоф. №32. С. 275). Около 1701 г. стал монахом в Слободском монастыре поповский сын из г. Слободского Михаил Петров Кекин, но в 1711 г. его перевели в Успенский Трифонов монастырь. Его младший брат Петр принял постриг в Слободском около 1722 г., когда брат был уже в Хлынове (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 29).

В ведомостях должны были указываться послушания и рукоделия братии. Однако большинство настоятелей эти требования проигнорировали. Возможно, они опасались получить от царя «разнарядку» в связи с его желанием завести в русских обителях мастерские.

Во главе любого монастыря находился настоятель, который мог иметь звание архимандрита, игумена, а также иеромонаха, иеродиакона и монаха в должности строителя. Женские монастыри возглавляли обычно игумении, но порой и простые монахини-настоятельницы.

Среди обязательных должностей была казначейская. В отличие от других послушаний она была отмечена практически во всех монастырях, за исключением нескольких пустыней и женских обителей. В исключительном случае, когда монастырь имел обширное хозяйство, в монастыре было несколько казначеев. Так, в Пыскорском монастыре в 1724 г. упоминаются сразу три казначея – «денежной казны», «платной казны» и «железной казны», причем все они были простыми монахами 72–75 лет, происходившими из крестьян. Два казначея – денежной и платной казны – числятся в Соликамском Вознесенском монастыре, также простые монахи из крестьян 64 и 67 лет (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 79–79 об., 101 об.).

Послушание келаря, традиционное для крупных монастырей XVII в., в ведомости 1724 г. встречается только в Пыскорском монастыре (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 79). Существовали и некоторые другие хозяйственные должности.

Иеромонахи и иеродиаконы, если позволяло здоровье, обычно имели главным послушанием богослужение (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26; Д. 6. Л. 40 об.–42 об.). За правильностью совершения служб в соответствии с церковным уставом следил уставщик (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 38 об.). Ему могли помогать канонарх (головщик), который руководил церковным пением, крылосные (певчие), псаломщик и пономарь (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 26; Д. 6. Л. 39).

Наиболее подробно монастырские обязанности были расписаны в Соликамском Вознесенском монастыре. Простые монахи несли послушания пономаря, головщика, подкеларщика, житенного, будильщика, келейника игумена, читали Синодик, были на раздаче кваса и хлеба, служили в поварне, давали разнарядку трудникам (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 102–104 об.). В упразднен-

ной Сылвенской вотчине Соликамского монастыря жило 7 поселных монахов (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 107 об.).

В Пыскорском монастыре монах Иона находился «за отправлением и за присмотром того монастыря у варничного соляного промыслу», монах Тихон был звонарем, а монах Иринарх читал в храме псалмы (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 82, 88, 91 об.). В Плесинском монастыре монаху Иову, бывшему подъячому, нашли работу «по специальности» – «писчую работу» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 112).

Совершенно новую должность, рожденную петровскими преобразованиями, представлял инквизитор – подчинявшийся Синоду духовный фискал, который был призван контролировать жизнь монастыря, следить за исполнением церковных обрядов, ведением дел и пр. (Ведомость о Вятском..., 1912, вып. 1–2, отд. 2, с. 123) [Русское православие, 1989, с. 245]. Правда, эта должность просуществовала недолго. На Вятке она упоминается только в 1723–1725 гг. в Верхочепецком, Пыскорском, Чердынском, Кайгородском мужских монастырях и Плесинской пустыне (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 45 об., 78, 96, 100 об., 109 об., 112 об.).

Рукоделия указывались монастырями еще менее охотно. Возможно, причина была в том, что они являлись, как правило, личной «подработкой» монашествующих, результаты их не поступали в общемонастырскую казну, как предполагалось общежительными уставами. Так, в Пыскорском монастыре монахи Антоний и Филарет вязали «к рыбной ловле... к неводам мережи», т.е. рукоделиями занимались только двое из 100 человек братии. Два монаха из 56 занимались рукоделиями в Слободском монастыре: один имел «кузнечество», а второй – «иконное письмо». В Соликамском Вознесенском монастыре монахи изготавливали ведра и ковши, чернили сукно, шили обувь, вязали лестницы. В Оханной пустыни монах Савватий шил на братию обувь (коты), а 92-летний (!) монах Филипп в качестве рукоделия имел «всякую плотническую работу» (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 28 об.–29, 83, 86 об., 102–104 об., 119 об.).

В Хлыновском Преображенском девичьем монастыре в 1724 г. игуменья Феодосия и монахиня Акилина занимались шитьем женских платьев, монахиня Улита пекла просфоры, Ирина (Агафонова), Ирина (Бердинцова) и Ефросиния – пряли пряжу, Параскева – поправляла в храме свечи. Большинство же стариц были преклонных лет, поражены разными болезнями и никаких послушаний уже не несли (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 5. Л. 63–65, 70). Монахиня Кунгурского Тихвинского, а позднее Чердынского девичьего монастыря Фотиния занималась выращиванием овощей на огороде, а монахиня Мелания из тех же монастырей – плетением кружев (ГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 6. Л. 35 об.–36а.).

Изучение ведомостей монашествующих 1724 г. показывает, что данный источник во многом уникален по своей информативности. В частности, он позволяет рассмотреть традиции принятия пострига и схимы в старости, систему монастырских послушаний, помогает оценить обеспеченность монастырей иеромонахами и иеродиаконами для нормальной богослужебной практики, проанализировать развитие рукоделий и ремесел в монастырях, выявить частоту монашеских переходов, распространение влияния монастыря на соседние регионы, степень открытости священнического звания для податных сословий, традицию «семейных постригов», соотношение мужского и женского монашества, а также степень презентативности разных сословий среди иноков в разных регионах Приуралья. Подобные исследования дают возможность определить как общероссийские процессы, происходившие в приуральских монастырях в первой четверти XVIII в., так и особенности пермских и вятских обителей, а при использовании аналогичных ведомостей 1735 г. – проследить динамику реализации Петровских реформ после смерти царя. После 1735 г. подробные описи монашествующих не составлялись вплоть до начала XIX в.

Список источников

- Ведомость о Вятском архиерейском доме и о монастырях Вятской епархии 1-й четверти XVIII ст. // Тр. Вятской учен. архив. комиссии. 1912. Вып. 1–2. Отд. 2.
Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. 237 (Фонд Вятской духовной консистории). Оп. 81. Д. 5, 6, 41, 45, 49, 51.
Полный свод законов Российской империи. 1 собр. (ПСЗ-1). Т. 6. № 4022; Т. 7. № 4151.
Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 339, 1034, 1098; Ф. 214 (Сибирский приказ). Оп. 1. Д. 1538; Ф. 237 (Монастырский приказ). Оп. 1. Д. 6347; Ф. 615 (Крепостные книги местных учреждений). Оп. 1. Д. 2160.

Библиографический список

- Кустова Е. В.* История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Т. 2: Справочные материалы. 2-е изд. Киров, 2013.
- Нечаева М. Ю.* Уральское монашество XVIII в.: нормы и практика пострига // Религия и церковь в Сибири. Тюмень, 1995. Вып. 8.
- Нечаева М. Ю.* Уральское монашество синодального периода: опыт создания и использования просопографических баз данных // Урал. ист. вестник. 2012. № 3.
- Русское православие: веки истории / науч. ред. А. И. Клибанов. М., 1989.

Дата поступления рукописи в редакцию 16.09.2015

**MONK BULLETINS OF 1724 AS A HISTORICAL SOURCE:
INFORMATION POTENTIAL AND DEGREE OF RELIABILITY**

E. V. Kustova

Vyatka State University of Humanities, Krasnoarmeyskaya str., 26, 610002, Kirov, Russia
kustovael@yandex.ru

The article analyzes the monk bulletins of Vyatka and Great Perm Diocese created in 1724 in accordance with the Spiritual regulations that restricted the circle of persons for the admission to monasteries. The bulletins became one of the first mass sources on the history of Russian monkhood, which is unique from the point of their descriptiveness. They help to consider the tradition of making vows and schemes in old age and the system of monastic obedience, to estimate the number of hieromonks and hierodeacons in monasteries, to analyze the development of crafts in monasteries, to identify the frequency of monks' transitions, the influence of a monastery on the neighboring regions, the degree of the openness of a priest position for tax-paying classes, the tradition of "family vows", the ratio of male and female monks, and the representativeness of different social groups among Ural monks. Such studies allow to highlight the specifics of the all-Russian processes in Ural monasteries in the first quarter of the 18th century, and the features of Perm and Vyatka monasteries. In the comparison with similar bulletins of 1735, they provide an opportunity to trace the dynamics of the realization of Peter the Great's reforms after his death. At the same time, the information in the bulletins is not always valid and therefore should be checked and refined by the comparison with the documents of monastery record keeping and other sources.

Key words: monks, monastery record keeping, Peter the Great's reforms, bulletins of 1724, social structure, reliability, statistical methods.

References

- Gosudarstvennyy arkhiv Kirovskoy oblasti (GAKO). F. 237 (Fond Vyatskoy dukhovnoy konsistorii). Op. 81. D. 5, 6, 41, 45, 49, 51.
- Kustova E. V.* Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya. T. 2. Spravochnye materialy. 2-e izd. Kirov, 2013.
- Nechaeva M. Yu.* Ural'skoe monashestvo sinodal'nogo perioda: opyt sozdaniya i ispol'zovaniya prosopograficheskikh baz dannykh. *Ural. ist. vestnik.* 2012. № 3.
- Nechaeva M. Yu.* Ural'skoe monashestvo XVIII v.: normy i praktika postriга. *Religiya i tserkov' v Sibiri.* Tyumen', 1995. Vyp. 8.
- Polnyy svod zakonom Rossiyskoy imperii. 1 sobr. (PSZ-I). T. 6. № 4022; T. 7. № 4151.
- Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 1209 (Pomestnyy prikaz). Op. 1. D. 339, 1034, 1098; F. 214 (Sibirskiy prikaz). Op. 1. D. 1538; F. 237 (Monastyrskiy prikaz). Op. 1. D. 6347; F. 615 (Krepostnye knigi mestnykh uchrezhdeniy). Op. 1. D. 2160.
- Russkoe pravoslaviye: vekhi istorii / nauch. red. A. I. Klivanov. M., 1989.
- Vedomost' o Vyatskom arkhierейском dome i o monastyryakh Vyatskoy eparkhii 1-y chetverti XVIII st. *Tr. Vyatskoy uchen. arkhiv. komissii.* 1912. Vyp. 1–2. Otd. 2.